

A close-up, high-contrast photograph of a woman's face on the left and a man's face on the right. The woman has light blue eyes and blonde hair, while the man has dark eyes and a light beard. They are both looking directly at the camera with serious expressions. The lighting is dramatic, highlighting their features.

АЛАЙНА
САЛАХ

НЕ МОЙ
ПАРЕНЬ

Алайна Салах
Не мой парень

«Алайна Салах»

2019

Салах А.

Не мой парень / А. Салах — «Алайна Салах», 2019

Финн Кейдж богатый сексуальный красавчик с отвратительным характером. Он бывший парень моей старшей сестры, в которого я была влюблена, когда мне было семнадцать, и которого, как я надеялась, никогда не увижу. К сожалению, у судьбы паршивое чувство юмора.

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алайна Салах

Не мой парень

Современный любовный роман, Романтическая эротика
#встреча через время #разница в возрасте #первая любовь

* * *

1

– Просим оставаться на своих местах и не отстегивать ремни безопасности до полной остановки самолета, – информирует приятный женский голос в динамике.

В ответ на произнесенную фразу по салону моментально разлетаются щелчки металлических карабинов. Наверное, после семичасового перелета пассажирам не терпится ступить на жаркую калифорнийскую землю и обнять близких. Я им завидую, потому что хочу испытать хоть малую толику ностальгии по дому, в котором не появлялась несколько лет, а вместо нее чувствую лишь настойчивое желание как можно дольше оставаться в темно-синем кресле, чтобы отсрочить свое возвращение.

Когда происходит что-то плохое, единственная возможность забыться – это провалиться в сон. И вот сейчас я ворочаюсь в полудреме, отчаянно сопротивляясь окончательному пробуждению, потому что не желаю встречаться лицом к лицу с реальностью. Реальность в моем случае – возвращение в родной Лос-Анджелес после четырехлетнего обучения в Массачусетском университете. Рано или поздно это бы все равно случилось, но думать об этом, как о далеком будущем, было гораздо проще.

Едва самолет останавливается, разноцветные затылки, всколыхнувшись, выстраиваются в шеренгу, забивая узкий проход. Я распахиваю багажное отделение над собой и извлекаю оттуда бумажный пакет с логотипом швейцарского косметического бренда. Этот наспех купленный в зоне дьюти-фри набор клеточной косметики, призванный превратить кожу в нестареющий кусок каучука, – подарок моей старшей сестре Кимберли, которая сегодня празднует свой двадцать шестой день рождения.

Наверное, со мной что-то не так, если за время отсутствия, непродолжительных разговоров по скайпу и встреч дважды в год я совсем не соскучилась по семье. Я по-своему люблю каждого из них, вот только отчего-то мне комфортнее существовать отдельно. И это странно, потому что семья у меня замечательная: мама и отец счастливо живут вместе вот уже двадцать восемь лет, а сестра, несмотря на четырехлетнюю разницу в возрасте, никогда не относилась ко мне как к путающейся под ее роскошными ногами соплячке. Возможно, я просто родилась с каким-то эмоциональным дефектом, а возможно (и этим я утешаю свою совесть), потому что всю жизнь меня не покидало ощущение, что в глазах родителей я лишь бледная тень своей красавицы-сестры.

Кимберли принадлежит к нынешнему поколению интернет-знаменитостей – идеальные пропорции ее ухоженного лица и тренированного тела, запечатленные в самых выгодных ракурсах, ежедневно лайкают более двухсот пятидесяти тысяч пользователей инстаграм, а ее бьюти-влог входит в сотню самых просматриваемых каналов ютуба, принося внушительный доход, который позволяет Ким вести активную светскую деятельность, не утомляя себя ежедневным хождением на работу.

На фоне ее гляцевой, идущей в ногу со временем жизни моя собственная выглядит бесцветной, и это при том, что я не считаю себя унылым синим чулком: в Бостоне я регулярно посещала вечеринки, не была обделена вниманием парней и даже непродолжительное время работала в качестве фотомодели в паре модных интернет-изданий, потому что, по мнению фотографов, являюсь обладательницей «стильного лица».

– Милая, – улыбается встречающий меня отец, забирая чемодан. – Ты всегда была такой высокой, или я с возрастом становлюсь ниже?

– Привет, пап, – чмокаю сухую шершавую щеку, слабо пахнущую средством после бритья. – Это все высокая подошва кроссовок.

У нас с папой сложились стабильные ровные отношения. Выдающейся привязанности, в которой я бы могла прослыть «папиной дочкой», между нами не наблюдалось, но Хейден

Эллис всегда старался быть примерным отцом: уделял положенное время на помощь со школьными заданиями и никогда не жалел денег на карманные расходы. Вряд ли многие семьи могут похвастаться большим.

Дорогой отец спрашивает меня о жизни в Бостоне и по-дружески пихает локтем в бок, когда как бы невзначай интересуется, не остался ли там умирать от любви какой-нибудь парень. Отрицательно мотаю головой, потому что такого парня нет. За годы учебы я встречалась с тремя парнями, но наши отношения никогда не длились столько, чтобы кто-то из них стал писать мне душещипательные СМС и уж тем более умирать от любви. И это очередной повод вспомнить о моем эмоциональном дефекте: как бы мне ни хотелось с головой уйти в любовь и романтику, чтобы напрочь лишиться сна, этого не происходило. Все мои поступки всегда были продиктованы голосом разума: если я шла на свидание, мой внешний вид в первую очередь определялся погодными условиями, а уж потом желанием понравиться спутнику, и черта с два я бы пошла в кино на поздний сеанс, если мне нужно было рано вставать на учебу. Тони скучна и предсказуема.

– Кого Ким пригласила на день рождения? – спрашиваю больше для того, чтобы поддержать разговор.

Сегодняшнее празднование – это дань семейной традиции: обычное застолье в кругу близких родственников с возможным присутствием очередного ухажера сестры. Основной вертеп случится в выходные в каком-нибудь ультрапопулярном месте с толпой фотографов, золотыми бокалами Моет и сливками клубной тусовки Лос-Анджелеса. По крайней мере, так происходило два года назад, когда я еще пользовалась социальными сетями, откуда могла наблюдать за тщательно отретушированными буднями сестры и знакомых.

– Никого, кто бы мог тебя удивить: тетя Энж с Полом, бабушка, ваш кузен Эндрю со своей невестой и парень Ким.

– Еще один наследник медийной империи? – беззлобно ехидничаю.

Я бы никогда не назвала сестру охотницей за капиталами, но так уж складывается, что все ее парни – выходцы из очень влиятельных семей. Хотя, возможно, что-то и поменялось за последние годы.

– Увидишь, – загадочно улыбается отец и возвращает взгляд на дорогу.

Я откидываюсь на спинку кресла и поправляю футболку, выбившуюся из-за пояса вылинявших джинсовых шорт. Может быть, на этот раз сестра отхватила какого-нибудь актера. Если так, то, пожалуйста, пусть им окажется Эзра Миллер или Кэмерон Монахэн.

На пороге нас встречает мама. Кидается мне на шею, покрывая помадными поцелуями щеки, приговаривая, что меня нужно откормить и что я ростом почти с отца. Следы помады на коже раздражают, но внутри все равно теплеет. Мамина радость от встречи со мной кажется искренней, и это не может не подкупать.

Быстро пригладив растрепанные русые пряди, как если бы это могло избавить меня от вида человека, который провел в полете полдня, я натягиваю на лицо приветливую маску и иду в гостиную, откуда доносятся оживленные разговоры гостей.

– Всем привет! – окидываю воодушевленным взглядом присутствующих. – Рада вас всех... – слова прилипают к небу, как некачественная жевательная резинка, и не желают литься дальше, потому что в этот момент я замечаю его. Того, из-за которого я разорвала письмо о зачислении в Калифорнийский Университет и соврала родителям, что смогла поступить лишь в Массачусетский. Из-за которого на протяжении долгих четырех лет меня мучила совесть. Единственный человек, чье присутствие лишало меня здравого смысла и превращало в заикающийся предмет интерьера, Финн Кейдж, наследник табачной империи, герой скандальных светских хроник и бывший парень моей сестры, за которого она собиралась замуж четыре года назад, с ухмылкой разглядывает меня, небрежно развалившись на стуле рядом с Ким.

«Какого черта он здесь делает?» – почти вырывается из меня, но я вовремя захопываю рот, не позволяя окружающим стать свидетелями своего постыдного замешательства.

– Тони! – сестра широко распахивает голубые глаза и грациозно выпархивает из-за стола. Кимберли выглядит так, словно мое появление для нее сюрприз, и я не понимаю почему: уже месяц назад было известно, что я прилечу на ее день рождения.

Несколько секунд я дрейфую в облаке умопомрачительного парфюма и изящных сестринских объятий, прежде чем отстраниться и протянуть свой подарок.

– С днем рождения, Ким.

Сестра заглядывает в пакет и прикладывает два загорелых пальца к розовому бутону рта, настолько привлекательно демонстрируя радость напополам с удивлением, что меня посещает мысль, что этот жест блестяще отрепетирован.

– Суисс Программ! Я их обожаю! Великолепные средства! Совершенно нежирные по текстуре. Спасибо, Тони, чудесный подарок.

Я снова чувствую прикосновение гладкости ее рук к шее и невольно морщусь, потому что в этот момент кожу на щеке начинает ощутимо печь. Я знаю, что это он смотрит на меня.

– Думаю, тебе не нужно представлять Финна, – журчит голос сестры, когда она обхватывает мягкой ладонью мою руку и разворачивает к столу. – Сюрприз-сюрприз, мы снова вместе.

Все-таки я не зря с детства ненавижу сюрпризы. Если бы знала, что Финн будет здесь, – ни за что бы не приехала. Сослалась бы на задержку рейса, погодные условия, отравление или даже беременность, лишь бы никогда больше с ним не встречаться.

Задушив сиюминутный порыв выбежать из гостиной и спрятаться в своей комнате, я перевожу взгляд на Финна. Он и не пытается скрыть, что не переставал на меня смотреть. Темные глаза цепко сканируют мой незамысловатый уличный образ, и за игрой желваков на резных скулах и по тому, как слегка подрагивает яркое пятно его рта, я не могу разгадать, о чем он думает в этот момент. Одно вижу точно – Финн Кейдж стал еще более привлекательным, если такое вообще возможно: заматерел и раздался в плечах, доведя свою без того кричащую сексуальность до состояния обложки «Men's Health». И это плохо. Очень.

Плотно сцепив губы, чтобы в гостиную не просочился звук моего грохочущего сердца, я натягиваю улыбку и слегка киваю головой:

– Привет, Финн.

– Ты изменилась, Тони, – негромко произносит тот вместо ответного приветствия. – Только пока не могу решить: в лучшую или худшую сторону.

Лицо мгновенно обжигает кровавый румянец. Я и забыла, с какой легкостью он умеет плевать на мнение окружающих, и что такие понятия, как деликатность и такт, ему несвойственны.

Всего пара минут, проведенных с ним в комнате, стирают годы вдали. Я больше не модель Тони со стильным лицом, а восемнадцатилетний худощавый подросток с чересчур крупным ртом и слишком густыми бровями, теряющий дар речи при виде красивого парня своей популярной сестры.

– Ты наверняка проголодалась с дороги, Тони, – воркует мама, вытягивая для меня стул. – Проходи к столу. Теперь, когда ты дома, я позабочусь, чтобы ты набрала вес.

Если мамину плану откормить меня и суждено сбыться, то явно не сегодня – я с трудом могу запихнуть в себя даже пару ложек салата. Потому что Финн не сводит с меня пристального взгляда остаток вечера.

2

4 года назад

– Правда Тони хорошенькая? – щебечет сестра, постукивая перламутровым полированным ногтем по моему плечу.

Мне некомфортно и хочется оказаться как можно дальше отсюда, потому что три пары глаз, среди которых есть и темные омуты Финна, устремляются прямо на меня. Я, может, и не страшная, но благодаря блистательному соседству Ким могу догадаться, что испытывает Ники Хилтон каждый раз, когда ее фотографируют рядом с Пэрис. Как бы ее ни накрасили и в какой бы изысканный туалет ни втиснули, она навсегда останется лишь фоном, выгодно оттеняющим уникальность своей старшей сестры.

Кимберли встряхивает тугими пшеничными локонами, и я почти жду, что с них посыплется волшебная звездная пыль – настолько сказочно это движение. Она молчит и не отпускает мое плечо, словно действительно хочет дождаться ответа на свой вопрос. Ее богемные подружки заискивающе улыбаются мне и кивают тщательно уложенными головами.

– Через пару лет сможет работать моделью, – говорит одна из них. – Тони высокая и худая. Бедра узкие, но она ведь на ангела «Виктории Секрет» и не претендует. И в лице, – переводит оценивающий взгляд на мой рот, – определенно есть какая-то изюминка.

Я густо краснею, потому что ее слова об «изюминке» звучат как издевка. Мой рот непропорционально большой для моего лица, и даже тысячный просмотр «Красотки» не способен убедить меня в том, что в нем заключается мое персональное очарование.

Невидимая сила тянет мой подбородок вверх, и уже через мгновение я встречаюсь с мерцающим взглядом Финна. Во рту становится сухо, так что из горла вырываются беззвучные хрипы, потому что это впервые, когда мы смотрим друг на друга.

Финн Кейдж встречается с моей сестрой почти полгода. Он частый гость у нас в доме: мама и отец всячески поощряют их с Ким отношения. Мама нахваливает его на всех семейных мероприятиях, а отец при встрече называет не иначе как «сынком». Не знаю, чем Финн заслужил подобное расположение, потому что, если быть честной, он никогда не делал ничего для того, чтобы им понравиться. Не носил цветов маме, не обсуждал бейсбольные матчи с отцом, не вел душевные кухонные беседы за чашкой кофе – лишь сухо здоровался и закрывался в комнате Ким. В те редкие разы, когда мы сталкивались с ним на этаже или в гостиной, смотрел сквозь меня, будто я была стеклянной душевой перегородкой.

В ушах стоит гул, словно от врезающегося в дерево сверла, когда он настойчиво буравит меня взглядом. Я бы и рада отвести глаза, но не могу. Финн имеет надо мной какую-то особую власть: рядом с ним я немею и утрачиваю контроль над естественными рефлексам, превращаясь в неуклюжее подобие зомби. И сейчас погонщик зомби требует смотреть на него.

Финн и моя сестра – идеальная пара: красивые и популярные. На школьном балу их бы обязательно выбрали королем и королевой, оставив простых смертных завистливо вздыхать над великолепием этого союза. Финн высокий и смуглый, с темными бровями, которые по какой-то причине всегда сведены к переносице, и густыми черными волосами. Кажется, что на ощупь они жесткие, но вряд ли мне когда-то удастся это проверить.

– Ладно! Давайте выпьем! – переливчатым колокольчиком объявляет голос сестры. В этот момент мне требуется вся моя собранность, чтобы удержаться на подкашивающихся ногах, потому что Финн, наконец, отрывает от меня пронзительный взгляд.

Сегодня сестра празднует свое двадцатидвухлетие. Родители улетели на выходные в Сан-Франциско навестить тетю Энж, и дом целиком предоставлен в ее распоряжение. Вся золотая

молодежь и самые главные завсегдатаи гламурных сборищ здесь, поздравляют сестру под звон бокалов, наполненных дорогим алкоголем, и звуки известных лаунж-хитов.

– Это текила, Тони, – ослепительно улыбается сестра, пихая мне в руку прозрачную стопку жидкостью соломенного цвета. – Выпей за мое здоровье. Это тебе не попробовать дерьмовый виски в ржавой тачке твоих одноклассников.

Я хочу отказаться. Не для того, чтобы выглядеть лучше, чем есть, а потому, что до сегодняшнего дня никогда не пробовала алкоголь и боюсь ударить лицом в грязь на глазах глянцево-толпы. И особенно Финна. Вдруг я закашляюсь, и текила польется у меня из носа? Вдруг опьянею так быстро, что грохнусь в бассейн или, того хуже, начну раздеваться на глазах гостей, как в каком-нибудь тупом молодежном фильме?

Но вместо этого осторожно зажимаю пальцами прохладное стекло и подношу к губам.

– Если уж решила пить, делай это правильно, – раздается надо мной холодный низкий голос, и в ту же секунду длинные пальцы толкают мне в руку дольку лайма. Сок обжигает маленькую ранку на коже, и я вопросительно поднимаю глаза. Финн смотрит на меня сверху вниз, энергично потряхивая солонкой над тыльной стороной своей широкой ладони.

– Слизываешь соль, пьешь, закусываешь лаймом, поняла?

Я пытаюсь проглотить сухость в горле, но безуспешно: она застряла шипастым комком, мешая вздохнуть.

– Где соль? – хриплю, старательно пряча глаза.

– Здесь, – летит ледяное мне в висок. – Прямо перед тобой.

Я быстро вскидываю взгляд вверх, чтобы убедиться, что Финн разговаривает именно со мной, и тотчас же опускаю на его ладонь, висящую в воздухе рядом с моим плечом. На ней между большим и указательным пальцем серебрится горка соли.

Пульс долбит в ушах, когда я осознаю, что все поняла правильно: он хочет, чтобы я собрала соль с его ладони. Языком. На глазах сестры и минимум десяти человек. Растерянно смотрю на Ким в поисках поддержки, но она лишь слегка улыбается, неспешно вращая в ладони точно такую же рюмку.

– Ничего страшного не произойдет, Тони. Это всего-то одна стопка, – произносит успокаивающе и наглядно демонстрирует мне, что делать: быстро припадает ртом к своей ладони, эффектно тряхнув волосами, опрокидывает в себя рюмку и вонзается фарфоровыми зубами в заготовленную дольку лайма.

– Видишь, Тони, не так уж и сложно, – раздается рядом, и я вдруг понимаю, что Финн впервые назвал меня по имени.

Решив, что тянуть больше некуда, я делаю глубокий вдох и наклоняюсь к его руке. В конце концов, какой у меня выбор? Показать себя трусливой ханжой-малолеткой и позорно сбежать? Ну уж нет. Лучше спустить эту рюмку носом. К тому же сестра реагирует на все спокойно – возможно, в компании тех, кто старше, это обычное развлечение.

Я разглядываю горстку белых крупинок, так контрастирующих с оливковой кожей, и понимаю, что вдыхаю его запах: легкий аромат грейпфрута и дерева, от которого на глазах почему-то выступают слезы.

Хочу вытащить лишь кончик языка, но вместо этого плотно присасываюсь ртом к ладони Финна, собирая соль до последней крупинки. Убеждаю себя, что это лишь игра моего воображения, когда слышу низкий задушенный стон рядом со своим ухом, который эхом резонирует во внутренностях, ударяя мощным разрядом тока между бедер.

Я быстро опрокидываю в себя мерзко пахнущую жижу и всасываю влажную мякоть, но вкуса так и не чувствую. Единственный вкус, играющий на моем языке, – это пряная горечь его теплой кожи, отравившая мои рецепторы.

– Пойду в дом, – выпаливаю, сжимая в трясущемся кулаке рюмку. Сердце грохочет, как несущийся по рельсам поезд, тело полыхает огнем, и голова кружится, как от часовой езды по кругу.

Меня, разумеется, никто не останавливает. Я забегаю в дом и, оглушительно хлопнув дверью своей спальни, забираюсь под одеяло. Мне жарко, но зубы отчего-то стучат, словно я окунулась в ледяной бассейн. Мысли путаются, не позволяя сконцентрироваться даже на секунду. Наверное, оттого, что пару минут назад я пережила самые волнительные мгновения за всю свою восемнадцатилетнюю жизнь.

3

Я просыпаюсь от сильного жжения в гортани. Хочется пить. Выскальзываю из постели и шлепаю на кухню как есть: босоногой, в отцовской футболке «Доджерс», которую использую вместо пижамы. В доме стоит гробовая тишина: электронные часы в гостиной показывают три ночи, веселье окончено, гости давно ушли. Возможно, поехали продолжать празднование в какое-нибудь модное неоновое прибежище для популярной молодежи.

Не включаю свет, чтобы не растворять собственную атмосферу сна, на цыпочках подкрадываюсь к холодильнику и тяну на себя металлическую ручку. Полоска желтого света бьет по заспанным глазам, на секунду заставляя зажмуриться. Быстро моргаю, дав себе время привыкнуть, и, сошурившись, начинаю высматривать на сверкающих полках графин с апельсиновым соком, который сестра всегда держит для восполнения запасов витамина С.

– Ты не похожа на человека, потрошащего ночами холодильник, – разбивает темноту кухни холодный голос.

Сердце екает так сильно, что забирает у меня как минимум год жизни. Столбенею на месте без малейшего шанса повернуться, потому что не знаю, как после недавнего распития текилы взглянуть на Финна снова и не грохнуться в обморок.

– Хочу пить, – сиплю еле слышно, невидящим взглядом уставившись в разноцветные ряды банок. – Искала... сок.

За спиной раздается какой-то шорох, и с каждой долей секунды мое тело наэлектризовывается ожиданием: я знаю, что Финн идет ко мне. Сжимаю ручку холодильника так сильно, что на ней вполне могут остаться мои отпечатки, когда чувствую, как он встает позади меня, опалая теплом своего тела кожу через футболку. Ощущаю его мерное дыхание на шее, доносящее аромат дерева и текилы, и вздрагиваю, как от удара, когда его твердая грудь прижимается к моей спине и пряное дуновение перемещается на висок.

– Вот же он, – раздается мне в ухо, и я вижу, что крупная загорелая кисть вытягивает с полки графин, наполовину заполненный оранжевой жидкостью.

Раскаленное касание покидает спину, оставляя покалывание ожогов на коже, но я по-прежнему не могу заставить себя обернуться. Продолжаю смотреть в освещенный ящик, короткими рывками втягивая в легкие воздух. Я стою так, даже когда дверца захлопывается перед моим носом и кухня погружается в кромешный мрак.

– Ты хотела пить, разве нет?

Умом я понимаю, что не могу продолжать вести себя как оглушенная идиотка, но ноги совсем меня не слушаются. Наверное, потому что Финн стоит слишком близко и, повернувшись, я обязательно встречу с ним глазами.

– Повернись, – холодно командует голос.

Ледяные иглы вонзаются мне в кожу, медленно вращая меня против часовой стрелки до тех пор, пока я не упруюсь в мерцающие в темноте ониксы.

– Пей, – уже более мягко произносит Финн, толкая мне в грудь графин с соком.

Послушно беру его двумя руками и начинаю глотать прямо из горла – я действительно мало соображаю в этот момент. Не останавливаюсь, даже когда стенки желудка ломит от наполненности, потому что знаю, что он наблюдает за мной.

– Кажется, тебе хватит.

Я слышу в его голосе улыбку, но я вполне могу ошибаться. Я ни разу не видела, чтобы Финн улыбался. Он забирает у меня графин и идет к барной стойке. Ставит его на стол и застывает, привалившись к стулу. Несмотря на царящий мрак, я вижу светлое пятно его обнаженного торса, отчего щеки ярко вспыхивают. Я пару раз видела Финна раздетым у бассейна,

но всегда отводила глаза, боясь быть уличенной в подглядывании. К счастью, сегодня темнота играет мне на руку.

- Где Ким? – мысленно ругаю себя за то, что голос звучит так хрипло и грубо.
- Уехала с подругами праздновать дальше.
- Ты не поехал?
- Устал от толпы.

В этот момент меня вдруг поражает мысль, что мы с ним разговариваем. Что Финн Кейдж способен общаться как самый простой человек, и что он также, как и я, утомляется большими сборищами. И это удивительно, учитывая его репутацию тусовщика и героя скандальных светских хроник.

- Я тебя смущаю, Тони?

Я снова дергаюсь, вдавливая пальцы ног в керамическую гладкость пола. Можно ли назвать смущением то, когда теряешь дар речи и способность соображать при виде единственного человека? Когда наедине с собой представляешь, что рассказываешь ему, как прошел твой день, и воображаешь его ответные реплики. И когда рука сама тянется разгладить залегшую складку между его бровей, и ты придумываешь тысячи способов сделать так, чтобы она никогда там больше не появлялась.

- Смущаешь, – натужно выметаю из горла трудное слово.
- Почему?

Я не могу ему ответить. Потому что между нами не та ситуация, чтобы безнаказанно очистить свою совесть и сказать, что он нравится мне. Что я влюблена в него до дрожи в коленях, и что для меня он недостижимое лицо с экрана, которое по какому-то удивительному стечению обстоятельств почти каждый день появляется у нас в доме.

Поэтому я говорю ему только часть правды:

– Я не слишком сильна в общении с противоположным полом. Да и вообще в общении. Я не Ким, как ты, конечно, успел заметить.

Финн игнорирует мое замечание и продолжает односторонний допрос:

- У тебя никогда не было парня?
- Я мотаю головой.
- Не было.

Эти слова даются непросто, потому что все мои сверстницы с четырнадцати лет встречаются с парнями, да и, сколько себя помню, под окнами Кимберли вечно ошивались толпы поклонников, а у меня не было никого. Я никогда не ходила на свидание и даже свою единственную валентинку получила в пятом классе от соседа по парте.

В тишине слышится шаркающий звук: темный силуэт отрывается от барной стойки и направляется ко мне. Я затаиваю дыхание, как если бы это могло унять тяжелые удары сердца, пульсирующие в грудной клетке. Бесполезно. Уверена, Финн тоже их слышит.

- Это все объясняет, – разносится над моей головой.
- Объясняет что? – я почти шепчу, заглядывая в устремленные на меня глаза.

Низкий вибрирующий звук его голоса густым нектаром проникает в уши, растекаясь по телу странной негой:

- Почему ты так смотришь на меня.

Я не успеваю спросить, как я смотрю на него, потому что ладонь Финна ложится на мои скулы и подтягивает мое лицо к своему, так что мы делим один глоток воздух на двоих.

– Какого черта ты смотришь на меня так, словно хочешь сожрать, Тони? – и через мгновение я чувствую влажное давление на своих губах.

Ноги слабеют, но Финн успевает поймать меня за талию, второй рукой толкая мой затылок к себе. Его дыхание во мне, жаркий язык между приоткрытыми губами, в ушах – глухой

стон. Я не понимаю, кому он принадлежит, потому что земля ускользает из-под ног, и я цепляюсь за его плечи, как за единственное, что может меня удержать.

– Это твой первый поцелуй, так ведь? – требовательный вопрос на моей щеке.

Я успеваю кивнуть, прежде чем мои губы снова запечатываются страстным клеймом его рта. Через каждое нервное окончание простреливает искра, отдаваясь внизу живота эхом огненного взрыва.

– У меня кружится голова, – успеваю пролепетать, когда на секунду отстраняюсь, чтобы глотнуть воздуха. – И тело горит.

– Так и должно быть, – шепчет Финн, проводя большим пальцем за моей ушной раковиной. Он тяжело дышит, пока смотрит на меня, вдавливая каждый вдох мне в грудь, и через тонкую ткань футболки я чувствую прикосновение его затвердевшего паха. Я не настолько невинна, чтобы не знать, что такое мужская эрекция, но мне кажется совершенно невероятным, что я послужила этому причиной.

Осмелев, я запускаю ладони в его растрепанные волосы, про себя отмечая, что они и правда жесткие. В ответ рука, удерживающая мою талию, скользит вниз, туда, где задравшаяся футболка оголяет бедра, и жадно стискивает ягодицы. От соприкосновения жесткости ладони с пылающей кожей из меня вырывается протяжный стон, и в тот же миг, как по сигналу, ладонь вновь возвращается на мою талию.

– Перестань издавать эти звуки, – Финн упирается головой в мой лоб. – Я же, блядь, не железный.

Мы тяжело дышим, глядя друг в друга в глаза, словно ведем немую беседу. Затем Финн кладет ладони мне на плечи и отодвигает от себя, насколько позволяет длина его рук.

– Иди спать, Тони, – говорит будто раздраженно. – Это просто поцелуй. Как сказала твоя сестра, первый раз лучше со мной, чем в ржавой колымаге твоих одноклассников.

Мое лицо пылает в огне сумасшествия и страсти, но упоминание Ким, словно ледяная струя из шланга, опрокидывает меня на землю. Я самый ужасный человек на земле. Целовалась с парнем своей сестры, даже на секунду не подумав о ней. Не подумав, что поступаю плохо. Отдалась порыву, словно животное. Финн парень, и он выпил, а о чем думала я?

Чувствуя, как к глазам подкатывают слезы стыда и осознания собственной аморальности, избавляюсь от рук на своих плечах и уношусь в комнату, оставив Финна одиноко стоять посреди кухни.

4

Я не сплю всю ночь, прислушиваясь к каждому шороху в доме. Кимберли возвращается под утро: несмотря на то, что она старается не шуметь, я слышу, как скрипит дверь в комнате напротив. В которой спит Финн. Интересно, он проснется? Поцелует ее после того, как целовал меня? Хотя, возможно, он даже не вспомнит о том, что произошло. Вдруг он был пьян сильнее, чем выглядел.

Зря говорят, что утро вечера мудренее. При дневном свете произошедшее ночью кажется еще более ужасным. Я не представляю, как буду смотреть в глаза сестре и как вести себя с Финном. Поэтому делаю то, что привыкла делать в любой непонятной ситуации: достаю из гаража велосипед и еду к Софи.

Софи моя школьная подруга и моя вторая семья. Она единственная, кто знает о моих чувствах к Финну. Я бы и ей не рассказала, но она догадалась обо всем сама, когда однажды осталась у нас на ужин и увидела, в какого овоща превращает меня одно его присутствие за столом. Честно говоря, когда я выговорилась, стало немного легче – тяжело изо дня в день чувствовать себя преступницей в собственном доме без возможности облегчить совесть.

Если бы меня спросили, почему мне нравится Финн, я бы не смогла ответить. Наверное, потому что он красивый и молчаливый. Немного пугающий, потому что никогда нельзя угадать, о чем он думает, и отчего ведет себя так, словно ему нет дела до того, что о нем говорят. А еще мне кажется, что за этой броней скрывается человек, который всегда поступает по совести.

Я не виню Финна в том, что случилось. Я и не мечтала, что он когда-то посмотрит в мою сторону, а он подарил мне мой первый поцелуй. Я одна виновата перед сестрой – могла уйти или попросить его остановиться, но не сделала этого. И повторись это заново, не уверена, что смогла бы, потому что еще никогда не испытывала таких противоречивых чувств: кружащий голову трепет и сжигающий стыд.

А еще завтра возвращаются родители, значит, Финн снова начнет исчезать в комнате Ким, и мы практически не будем видеться.

– Финн поцеловал меня, – выпаливаю, едва дверь в комнату Софи захлопывается за мной.

– Финн чего? – взвизгивает та, от возбуждения хлопая руками по кровати.

– Мой первый поцелуй, – повторяю, краснея до корней волос. – Ночью я встала выпить воды, Финн оказался на кухне, и мы поцеловались.

– Ни хрена себе! А где была Мисс Космо в этот момент?

Мисс Космо – так Софи зовет Кимберли. Я догадываюсь, что она ее не слишком жалуется, но никогда открыто этого не выражает: просто невзначай ехидничает над ее образом жизни и придумывает разные псевдогламурные прозвища.

– Поехала с друзьями в клуб, кажется. Финн сказал, что устал и решил никуда не ехать.

Софи заливисто смеется и играет светлыми бровями.

– Остался, чтобы провести время с сестренкой, которая интереснее его отфотошопленной Барби, а?

– Это была случайность. И не должно повториться, – говорю больше себе, чем ей. – Финн встречается с Ким, и я чувствую себя ужасно из-за того, что произошло.

– А я бы вот хотела, чтобы у вас получилось, – мечтательно закатывает глаза подруга. – Ты лучше, чем Кимберли. Ты настоящая.

В такие моменты я начинаю любить Софи еще сильнее, потому что она, пожалуй, единственная, кто произносит эти слова искренне и не кривя душой.

– Эй, не парься. Не каждая может похвастаться, что ее первый поцелуй был с Финном Кейджем. Ничего же страшного не произошло.

Перед глазами черно-белой лентой проносятся события минувшей ночи: жаркое дыхание Финна на моем лице, его руки на моем теле, твердость, упирающаяся мне в живот. Это было больше, чем поцелуй, но я не смогу рассказать о своих чувствах ни одной живой душе, даже Софи.

– Я не имела права так поступать с Кимберли, – говорю вслух и заодно убеждаю в этом себя, выставляя внутренний ограничитель для собственных фантазий. – Он ее парень.

– Убудет от нее, что ли, – беспечно парирует Софи. – Она уж точно не скучала в компании своих расфуфыренных прихвостней.

Софи не славится деликатностью, у нее в жизни все просто: надо – бери. Я ее теорию не разделяю, но, варясь в котле мук совести, сложно не испытать небольшое облегчение, когда подливают ковш холодной воды.

До позднего вечера мы с Соф смотрим «Флэша» и жуем приготовленный попкорн в ее спальне. Когда за окном темнеет, я спешно начинаю собираться домой, потому что мне предстоит крутить педали еще четыре мили.

Закатив велосипед в гараж, оглядываюсь в поисках Тойоты Ким, но ее нигде нет. Зато черный Кадиллак Финна стоит, небрежно припаркованный на бетонной дорожке. Он никуда не уехал? Или, возможно, они с Кимберли вдвоем укатили на ее машине?

С колотящимся сердцем я врываюсь в дом и сразу же закрываюсь в спальне. Слышу звук распахивающейся двери напротив и тяжелые шаги. Нет сомнений, Финн здесь. Ладони предательски потеют, и в горле снова становится сухо, и в попытке успокоиться я начинаю убеждать себя, что, скорее всего, он ничего не помнит. И эта мысль нелогично меня огорчает.

Чтобы немного охладить пылающую голову, я раздеваюсь и иду в душ. Стою под ледяными струями воды, пока зубы не начинают стучать, а кожа на руках не синее, обматываюсь полотенцем и подхожу к зеркалу: на бледном лице яркими росчерками выделяются испуганные зеленые глаза, черные брови, на несколько тонов темнее, чем волосы, и широкий, от холода ставший фиолетовым рот. Минуту оцениваю свое отражение и раздраженно встряхиваю головой. Глупо даже мимолетно надеяться, что я могу нравиться Финну.

Я ворочаюсь без сна двадцать минут, тридцать, сорок, вздрагивая каждый раз от малейшего шороха. Через час устоявшейся тишины понемногу расслабляюсь и начинаю проваливаться в забытие, и тогда под дверью раздаются тяжелые шаги. Забыв, как дышать, я слушаю, как они замирают около двери моей спальни. Мне кажется, что я улавливаю звук прерывистого мужского дыхания, но долго размышлять над этим не удастся, потому что в темноту спальни проникает тусклый свет коридорного светильника.

Я превращаюсь в окаменевшую скульптуру, и только барабанивший в горле пульс напоминает о том, что я еще жива. Позади раздается тяжелый вдох, и комната вновь погружается в темноту, потому что дверь с грохотом захлопывается.

С шумом выпускаю из легких воздух облегчения и горького разочарования. Ушел. И тут же вздрагиваю, потому что матрас пружинит под тяжестью опустившегося тела. Его тела. Лишаюсь дара речи и вновь застываю безмолвным камнем на простынях.

Финн откидывает одеяло и ложится рядом, прижимаясь ко мне. Он в мягком спортивном трико и без футболки, и это слишком для моего помраченного чувствами рассудка. У меня нет сил ему сопротивляться. Я не хочу ему сопротивляться. Не тогда, когда я чувствую каждый его выступающий мускул, и когда его прерывистое дыхание играет в моих волосах.

Негромкие слова вонзаются в тишину комнаты будто через динамик громкоговорителя:

– У тебя сердце колотится как у зайца. Ты меня боишься?

Я его не боюсь. Я боюсь своих чувств к нему. Того, как он на меня действует.

Слегка мотнув головой, шепчу:

– Нет.

Я словно назвала волшебный пароль: в ту же секунду теплые руки скользят по моему животу, сгребая край футболки и тянут ее вверх. Дыхание перехватывает, и внизу живота снова становится жарко, но я молча повинуюсь этому движению и задираю руки. С тихим шелестом футболка приземляется на пол, и теперь я чувствую Финна кожей. Он горячий и твердый. Я жажду повернуться к нему лицом, потому что хочу, чтобы как можно больше частей меня были обласканы его прикосновением, но не делаю этого, с замиранием сердца ожидая его дальнейших действий. Боюсь и мечтаю о них одновременно.

Голос за спиной щекочет мне шею, в то время как пальцы приходят в движение, начиная выводить неровные круги на моем животе:

– Ничего не будет, Тони.

Не знаю, понимает ли Финн, насколько чувствительно для меня его самое легкое прикосновение, и что оно рождает желание большего. Огонь во мне разгорается все сильнее, и я невольно прогибаю спину навстречу его бедрам. Утыкаюсь ягодицами в выпирающую твердость, и это распалает еще больше, отчего с губ срывается глухой хрип.

Финн сдавленно чертыхается за моей спиной, и я чувствую обжигающее прикосновение его рта к позвоночнику. Комната начинает бешено вращаться, в животе взрываются горячие фейерверки, потому что его руки перемещаются мне на грудь, мягко ее сминая. Я вонзаюсь зубами в губу, ведь то, что происходит во мне, не поддается описанию. Мне страшно оттого, что я не могу себя контролировать, потому что все, что происходит сейчас, для меня ново. В трусиках влажно, и грудь сладко тянет, и я совершенно не представляю, что с этим делать. Но кажется, знает Финн, потому что его теплые пальцы обхватывают соски и слегка оттягивают их. Я выгибаюсь сильнее, упираясь головой ему в плечо, и не сдерживаю громкий стон.

– Финн... – бормочу, вонзаясь ногтями в простыню, – пожалуйста...

Не знаю, о чем прошу: я просто хочу, чтобы он сделал что-то, что облегчит это томление внизу живота, что-то, от чего мое тело перестанет окатывать эти горячие волны, лишаящие рассудка.

– Повернись, Тони, – не дожидаясь повиновения, Финн перемещает ладонь на мое плечо и разворачивает к себе. Я успеваю заметить жаркое пламя в его глазах перед тем, как он впечатывает мою грудь в свои напряженные мышцы и ловит ртом мои губы.

Я готова кричать от двойного удовольствия, потому что эффект от соприкосновения с его горячей кожей, прижатой к моей набухшей груди, окончательно сносит мой шаткий барьер стыдливости. Я впиваюсь в его волосы пальцами и жадно отдаюсь напору его поцелуя.

– Блядь, я не должен был... – хрипит Финн, наваливаясь на меня сверху.

Мне кажется, что все, что мы делаем, – правильно. Его тяжелое, вжимающее меня в матрас тело, его горячие поцелуи и его жаркое дыхание, его твердый пах, ударяющийся в мои бедра. Я хочу его. Хочу всего, что он способен мне дать.

– Ничего не будет, Тони. Ты маленькая... а я не должен был приходить.

– Тогда почему ты здесь? – вырывается из меня.

– Если бы я знал, – глухо бормочет он, перед тем как снова вторгнуться в мой рот языком.

Мы целуемся умопомрачительно долго, и с каждой минутой мое тело нагревается все больше, и я, сама того не замечая, начинаю тереться трусиками о его пах.

– Черт, Тони... тебе нужно прекратить...

– Я хочу, чтобы стало легче... – лепечу я, краснея от собственной распущенности. – Внизу все горит.

Несколько секунд Финн молчит, тяжело дыша мне в лицо, а затем, словно приняв непростое решение, скатывается с меня и ложится на бок.

– Раздвинь ноги, Тони. Ты доверяешь мне?

Я пытаюсь проглотить восставший в горле ком, и когда не получается, молча киваю. Теплая ладонь ложится мне на живот и скатывается вниз, к резинке моих простых хлопковых шорт. Тело бьет дрожь, но я послушно развожу бедра.

Финн поднимается на локте и, не отрывая от меня горящего взгляда, проникает пальцами в трусики. Едва он касается моей раскрытой плоти, я громко вскрикиваю. Это легкое касание подобно самому сильному разряду тока, бьющему прямым в голову.

– Господи, ты такая мокрая, – измученно стонет он надо мной и опять повторяет движение. И снова, и снова, пока мое тело не выгибается напряженной дугой и все чувства не сосредотачиваются в том месте, где он так умело меня касается.

– Кончи, малышка, – он то ли приказывает, то ли умоляет. – Избавь меня от мучений. Моей выдержки надолго не хватит.

Сквозь ширму собственной похоти я инстинктивно скольжу рукой по его бедру и прижимаюсь к взбугрившейся ширинке. Финн глухо шипит, но возбуждение добавляет мне смелости, поэтому я не останавливаюсь. Оттягиваю резинку его спортивных штанов и обхватываю горячую эрекцию.

– Тони... ты...

Слова Финна тонут в моем стоне, потому что ощущение от его члена в моей руке творит что-то совершенно непередаваемое с телом: ноги сотрясает сильнейшая дрожь, перед глазами темнеет, и напряжение внизу живота становится настолько мощным, что пугает. И уже через пару секунд я разлетаюсь на мелкие звенящие осколки под музыку собственных стонов. В руке становится влажно, и сквозь шелест обрывков мыслей я понимаю, что не только получила свой первый оргазм, но и довела до него мужчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.